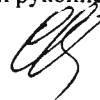

0-781555

На правах рукописи

Васильева Светлана Анатольевна

**Творчество Вс. С. Соловьева
и проблемы массовой литературы**

10.01.01 — русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ТВЕРЬ 2009

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Тверской государственной университет»

Научный консультант

доктор филологических наук,
профессор
Строганов Михаил Викторович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор
Ауэр Александр Петрович

доктор филологических наук,
профессор
Вершинина Наталья Леонидовна

доктор филологических наук,
профессор
Коковина Наталья Захаровна

Ведущая организация

ГОУ ВПО «Орловский
государственный университет»

Защита состоится «24» декабря 2009 г., в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.263.06 в Тверском государственном университете по адресу: 170002, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 70, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, д. 44а.

Автореферат разослан «10» ноября 2009

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000624364

Ученый секретарь
диссертационного совета

Николаева С. Ю.

Во второй половине XIX в. в России происходило стремительное развитие книжного рынка и массовой беллетристики. В первую десятку самых читаемых авторов в конце XIX — начале XX в. входили И. Лажечников, Вс. Соловьев, Е. Салиас, Вс. Крестовский, Г. Данилевский. В контексте современных дискуссий о значении произведений массовой беллетристики интересным и актуальным является изменения ракурса в оценке творчества литераторов XIX — начала XX в. Современная филология отказалась от эстетического критерия в оценке произведений массовой беллетристики в сравнении с произведениями, вошедшими в «золотой фонд» русской литературы; сегодня в центре ее внимания оказались те особенности текстов массовой беллетристики, которые способствуют несомненному их успеху, подтверждаемому большими тиражами; особое внимание уделяется ориентации беллетристики на «другого» читателя. Анализ этих проблем способствует пониманию причин популярности отдельных произведений массовой беллетристики и механизма их воздействия на читателя, конкретизирует понятие *массовый читатель* и проясняет социокультурную ситуацию, сложившуюся в России в конце XIX — начале XX в.

Одним из наиболее популярных писателей последней четверти XIX в. был Всеволод Сергеевич Соловьев (1849—1903), известный читателю как автор многочисленных исторических романов, пятитомной «Хроники четырех поколений» (1881—1886), мистической дилогии «Волхвы» и «Великий розенкрейцер» (1888, 1889), романов о современной жизни. Менее известна, но не менее интересна деятельность Соловьева как издателя и редактора журнала «Север», которым он руководил на протяжении трех с половиной лет (1888 — середина 1891). Кроме того, писатель и издатель Соловьев занимался созданием литературы для народа и — в связи с этим — изучением проблем народного чтения. Позиция Соловьева по вопросу о народном чтении отразилась в его публицистике и в его деятельности как редактора серии «Народные чтения». Такая широта охвата различных социальных групп читателей не была свойственна ни одному из литераторов XIX — начала XX в. Анализ всех аспектов литературной деятельности Вс. Соловьева, чутко откликавшегося на запросы всё более широких кругов читателей-потребителей, позволяет увидеть изменение социального наполнения категории *читатель* на рубеже веков, прояснить круг читательских интересов в этот период, приоритеты читателя в выборе литературы для чтения.

Статистические исследования показывают, что проза Вс. Соловьева на рубеже XIX—XX вв. была очень популярна. После публикации в журналах исторические романы выходили отдельными изданиями, многие пе-

реиздавались, неоднократно выходили собрания сочинений. Критики писали, что «на исторические романы Соловьева в библиотеках и читальнях всегда был большой спрос в различных слоях русского общества», «таким образом, они получили широкое распространение» (П. В. Быков). По отчетам двух петербургских публичных библиотек за 1889 г., произведения Соловьева занимают десятое место. Среди читателей этих библиотек — рабочие, учащиеся, служащие. По дополнительному исследованию читательских интересов взрослых рабочих фабрик и заводов, книги Соловьева уже на пятой позиции (С. Ф. Горянская). Через десять лет ситуация не меняется: произведения Соловьева в бесплатных читальнях вновь занимают пятое место (Мир божий. 1899. Февраль. Отд. 2). По данным Коломенской общественной библиотеки, Соловьев в 1899 г. занимает седьмое место, в 1903 г. второе место, после Л. Толстого. По отчетам 9 публичных библиотек Соловьев входил в десятку наиболее читаемых авторов (А. И. Рейтблат). Как свидетельствуют эти исследования, среди поклонников Соловьева была не только интеллигенция, на которую рассчитывал автор, но и ремесленники, мастеровые, учащиеся. Такого читателя привлекала познавательность исторических романов, занимательность сюжета, напряженность интриги, элементы мелодрамы, поэтика хорошего конца, характерные для массовой беллетристики. Соловьев избежал и перекосов, свойственных, например, П. В. Полежаеву, который в романе «Престол и монастырь» (1880), скрупулезно пересказал реальные события правления Софьи, не вводя ни вымышленные лица, ни диалоги; поэтому значительную роль в популярности произведений Соловьева сыграл не только взгляд на исторический роман как на источник фактической информации: автор вписывал судьбу вымышленных героев в реальные события русской и европейской истории, не искажая реальных фактов.

Степень разработанности проблемы. Если на рубеже XIX—XX вв. романам Соловьева уделялось незначительное внимание (К. П. Медведский, А. М. Скабичевский, П. В. Быков), то после 1917 г. его творчество было забыто. Лишь в 1990-е гг. были переизданы основные произведения Соловьева, статьи о нем стали включаться в биографические и библиографические словари (А. А. Ревякина; В. А. Викторovich, О. Е. Голосова), прозе Соловьева была посвящена кандидатская диссертация (Лексина А. В. Историческая проза Вс. С. Соловьева (генезис и поэтика). Коломна, 1999). Редакционно-издательская деятельность Соловьева так и осталась вне поля зрения исследователей.

Актуальность диссертационного исследования определяется недостаточной изученностью литературы и деятельности Соловьева, его роли в

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. И. ДОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

литературной жизни России последней четверти XIX — начале XX в. Изучение причин популярности художественных произведений писателя и издававшегося им журнала «Север» позволит определить механизмы воздействия массовой литературы на читателя в целом. Анализ позиции Соловьева по отношению к читателю из народа на фоне культурных процессов рубежа веков (социальная стратификация, культурная неопределенность и демократизация читателя) дает возможность выяснить роль социального заказа в поиске более широкой аудитории, позволит реализовать представления о воспитательной и образовательной функциях литературы в обществе.

Предметом исследования в настоящей работе являются художественные произведения Вс. С. Соловьева, получившие у современников наибольшее признание, которые рассматриваются в контексте русской литературы XIX в.; публикации в журнале «Север» (1888—1891); книги серии «Народные чтения», публицистика и эпистолярное наследие Соловьева.

Цель исследования состоит в комплексном изучении литературной деятельности Соловьева на фоне развития русской литературы XIX — начала XX в. Во-первых, это исследование наиболее популярных художественных произведений Соловьева (исторических романов-хроник и мистической дилогии) в их взаимосвязи с творчеством крупнейших писателей XIX в. Во-вторых, это анализ редакционной политики издаваемого Соловьевым журнала «Север» (1888—1891). И в-третьих, это изучение книг редактируемой Соловьевым серии «Народная книга». Целостное изучение литературной продукции Соловьева и его читателя — потребителя этой продукции, прояснение причин успеха его произведений, связанных с точным попаданием в определенную культурную парадигму, позволяют расширить понимание процессов демократизации литературы в конце XIX — начале XX в., определить типологическое своеобразие массовой литературы этого периода и ее связи с массовым читателем.

В связи с поставленными целями решаются следующие задачи:

1. Определить круг читателей художественных произведений Соловьева (преимущественно исторических романов, наиболее признанных читателем) и механизмы воздействия его произведений на читателя. Художественное творчество Соловьева рассматривается как явление массовой беллетристики, что обуславливает его сопоставление с произведениями писателей первого ряда: выявление проблематики, уже освоенной предшествовавшей литературой и нашедшей отражение в романах Соловьева; анализ приемов, которые использует писатель для собственной трактовки образов, сюжетов и проблем, использовавшихся в литературе ранее.

2. Проанализировать редакционную политику издаваемого Соловьевым журнала «Север», очертить круг публиковавшихся в нем авторов и основную тематику публикаций и выявить причины популярности «Севера» у читателя.

3. Рассмотреть взгляды Соловьева на проблемы народного чтения, читательскую направленность книжек серии «Народные чтения», степень реализованности взглядов писателя на проблемы чтения для народа.

Поставленные задачи определили **структуру работы**, которая состоит из введения, двух частей, заключения и списка использованной литературы. В первой части работы рассматриваются художественные произведения Соловьева в их отношении к произведениям Пушкина, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого. Вторая часть посвящена редакционно-издательской деятельности Соловьева.

Научную новизну работы обусловил анализ многогранной литературной деятельности Вс. С. Соловьева, включающей как его художественное творчество, публицистику, так и редакционно-издательскую работу, что ранее никогда не становилось предметом специального разноаспектного исследования. Осмысление авторских стратегий в беллетристике Соловьева, осознанное стремление автора к расширению читательской аудитории за счет привлечения различных социальных слоев позволяют глубже понять эволюцию литературного процесса в России на рубеже XIX — начала XX в.

Методологическая база исследования. Наряду с историко-функциональным и социологическим подходами, методами сравнительного и историко-генетического анализа в качестве теоретической базы используются работы Ю. М. Лотмана, Г. Н. Ищука, М. В. Строганова, Л. Д. Гудкова, Б. В. Дубина, А. И. Рейтבלата, Н. Л. Вершининой, Дж. Кавелли и др.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Соловьев как представитель массовой литературы заимствует художественные приемы и сюжеты из произведений крупнейших русских писателей XIX в. (Пушкина, Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина), используя особую систему средств для смысловой адаптации, перевода транслируемой информации с языка «высокого» искусства на уровень быденного сознания, его романы содержат компоненты актуальной проблематики элитарной литературы на предыдущем этапе ее развития. Русский образованный читатель, на которого ориентируется автор, получает удовольствие от обнаружения новых интерпретаций знакомых сюжетов и типов. Такой художественный принцип вариации темы, являющийся одним из ба-

зовых способов выражения в массовой культуре, во многом обусловил огромную популярность исторических хроник Соловьева.

2. В большинстве произведений Соловьев создает критические для героя ситуации (соблазнение; испытание верности или веры; случайность, изменяющая привычный порядок вещей и т. д.). Они помогали читателю находить оптимальные средства выхода из конфликта или преодоления кризиса в собственной жизни, основанные на читательском опыте. Поиски героями смысла жизни, путей к достижению внутренней гармонии фиксировали для читателя наиболее эффективные или наиболее приемлемые способы решения конфликтов. В творчестве писателя репрезентируются вечные ценности: христианство как истинная религия, семья, любовь и дружба, нравственные добродетели.

3. Волшебное и таинственное служит в романах Соловьева для фиксации ценностных нормативных значений, избавляя от суеверного страха перед неизвестным, формируя в сознании читателей систему представлений о неизбежности нравственных и христианских ценностей и также помогая выстроить поведение в повседневной жизни.

4. Соловьев помогает читателю формировать собственные представления о мире и истории. Заменяя сложную картину мира, неожиданные, порой нелогичные повороты в истории, представленные в работах ученых и писателей первого ряда, некими упрощенными схемами, автор снимает у читателя чувство растерянности, незащищенности перед происходящим не только в прошлом, но и в современности, поскольку знание законов, по которым развивается человечество, делает окружающий мир простым и понятным.

5. Соловьев рисует картины исторического прошлого на основе знания исторических фактов (труды Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, публикации в исторических журналах), синтезирует многие идеи, нашедшие отражение в произведениях Пушкина, Достоевского, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, и на их основе создает свою собственную картину мира, в которую и вписывает судьбу реальных и вымышленных героев.

6. Свои художественные произведения и журнал «Север» Соловьев ориентирует на «самый широкий круг читателей» (К. П. Петров <К. П. Медведский?>), к которому относятся «русские образованные люди», «находящиеся, по своему положению, на самых различных ступенях общественной лестницы» (Север. 1888). Эволюция журнала «Север» в поисках своего читателя отражала процессы демократизации читателя: от «русских образованных людей» («интеллигентные слои русского общества») — к «русским семьям», а далее — к грамотному читателю; в соответствии с этим изменяется и редакционная политика журнала.

7. Позиция Соловьева относительно книг для народа в основном сложилась к концу 1880-х гг. Учитывая существующие исследования (напр., «Что читать народу?» Х. Д. Алчевской), издатель на страницах «Севера» обсуждал произведения Л. Толстого («Чем люди живы», «Власть тьмы»), которые могли, с его точки зрения, нанести вред читателю из народа. Деятельность Соловьева на посту редактора серии «Народные чтения» отражает поиск новой читательской аудитории и попытку реализовать свои взгляды на проблемы народного просвещения и образования.

8. Путь Соловьева сначала как писателя, а затем как редактора и издателя — это путь поиска всё более широкой читательской аудитории. Изменения, наблюдавшиеся в читательской среде, появление всё новых: уже не «образованных», а всего лишь «грамотных» — читателей обуславливали и изменения в редакторской политике различных журналов («Нива», «Русский вестник»), в репертуаре крупнейших издателей («Посредник», издательства И. Д. Сытина, В. Н. Маракуева) Социологические исследования (Н. А. Рубакин, С. Ф. Горянская) фиксировали изменение читателя на рубеже веков, отражали динамику читательских предпочтений, процессы демократизации литературы, что влияло на авторские стратегии. В редакционно-издательской деятельности Вс. Соловьева отразились процессы литературного развития конца XIX — начала XX в.

Теоретическая значимость диссертационного исследования имеет ряд составляющих. Во-первых, определены теоретико-методологические подходы к решению исследовательских задач по изучению генезиса и поэтики российской массовой литературы, ее жанровой специфики; разработаны критерии и подходы к изучению и интерпретации произведений массовой литературы. Во-вторых, показаны сходство и различие массовой литературы и литературы для народа; переход от одного типа литературы к другому связан с качественным и количественным изменением читательской аудитории на рубеже веков. В-третьих, деятельность Вс. Соловьева осмыслена как деятельность одного из наиболее ярких представителей массовой литературы, что позволяет уточнить особенности литературного процесса в России в последней четверти XIX — начале XX в.

Практическая значимость работы заключается в том, что материал исследования предлагает уточненное представление о литературном процессе рубежа XIX—XX вв. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании историко-литературных курсов, при разработке специальных курсов и семинаров.

Апробация работы. Материалы и результаты диссертационного исследования использовались при составлении программ учебных курсов и

дисциплин, при чтении лекций и спецкурсов на филологическом факультете Тверского государственного университета. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на научных конференциях, в том числе: Ищуковские чтения (Тверь, 1991—2009), международная научно-практическая конференция «Детская литература и воспитание» (Тверь, 2004, 2006), международная научно-практическая конференция «Друзья и гости Ясной Поляны» (Ясная Поляна, 2004), Герценовские чтения: Всероссийская научная конференция «История литературы как филологическая проблема» (Санкт-Петербург, 2005), IV Майминские чтения «Журнальная деятельность в литературном процессе XVII—XX веков: забытое и второстепенное» (Псков, 2006), юбилейная научная конференция Эйхенбаумовские чтения—6 (Воронеж, 2006), международная научно-практическая конференция «Проблемы изучения русской литературы XVIII века» (Самара, октябрь 2007), международная научная конференция «Степь широкая: пространственные образы русской культуры» (Курск, 2008), «Русская историческая проза: региональный аспект» (Коломна, 2008) и др. Результаты работы представлены в двух монографиях («Беллетристика Вс. С. Соловьева», «Редакционно-издательская деятельность Вс. С. Соловьева»), 37 научных и учебно-методических публикациях, в том числе 7 публикациях на страницах изданий, рекомендованных ВАК для размещения научных результатов по докторским диссертациям.

Объем работы — 345 страницы.

Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, уточняются терминологический аппарат и методологические принципы.

В настоящей работе термин *массовая литература* используется в его социологическом значении, т. е. как литература, получившая широкое распространение. Термин *массовая беллетристика* обозначает произведения, авторы которых не преследуют новаторских целей в постановке или трактовке проблемы, в выборе сюжета и героя и пр., а, напротив, доносят до читателя уже существующие в литературе принципы художественного обобщения, стереотипные характеры и ситуации; ставят и решают проблемы репрезентации человеческих взаимоотношений (помогают читателю «проживать» различные жизни, учат предвидеть возможные последствия тех или иных поступков и т. д.), помогают в оценке окружающей действительности, объясняют основные законы движения истории.

В части первой работы «Беллетристика В. С. Соловьева как „учебник жизни“» рассматриваются художественные произведения писателя. В творчестве Соловьева законы массовой беллетристики проявились весьма наглядно. Его романы-хроники не только освещали какой-либо период в истории России, но и создавали определенные («правильные») поведенческие каноны, следование которым приводило к достижению желаемого результата; другие модели поведения, предложенные в романах, напротив, обозначали ложные пути решения проблем. На фоне исторических событий, которые изображались с фактографической точностью, рассказывалась история героя (героев): испытание любовью и страстью, поиск смысла жизни, перераспределение приоритетов в шкале нравственных ценностей. Главным для читателя всегда оставалось стремление найти ответы на самые важные вопросы, поиск *правильного* жизненного пути. Эти проблемы рассматриваются в главе первой «*Рецепты счастья в произведениях Соловьева*».

Соловьев использовал многие приемы и сюжеты лучших произведений русской литературы XIX в., произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ориентация на Пушкина и Достоевского прослеживается в трактовке темы преступления и наказания (рассматриваемой на различных уровнях — жизнь человека, жизнь народа); ориентация на «Войну и мир» сказывается в изображении судеб героев преддекабристской эпохи; сюжет «Дыма» Тургенева разрабатывается в финале романа «Сергей Горбатов». Такой художественный принцип вариации темы, являющийся одним из базовых приемов в массовой культуре, во многом обусловил огромную популярность исторических хроник Соловьева.

В романе-хронике «Царь-девица» (1878) Соловьев отталкивается от идей Платона, утверждавшего в «Политии», что главной добродетелью правителей является мудрость, и показывает, как мудрость царевны Софьи, лишенная нравственной основы, ведет героиню к духовной гибели. На протяжении романа тема мудрости постепенно сменяется сначала темой разумности, а затем безумия, причем это напрямую соотносится с романом Достоевского «Преступление и наказание», который Соловьев считал лучшим произведением писателя («Воспоминания о Достоевском»). В произведениях Достоевского и Соловьева Раскольников и Софья преследуют разные цели, по разным причинам преступают нравственные законы. Их первоначальная позиция обусловлена доводами рассудка, их «математические теории» не учитывают законов жизни. Софья в «Царь-девице» пытается заглушить в себе остатки совести рассуждениями в духе Рас-

кольникова о том, что великим людям многое позволено, поскольку перед ними стоят и великие цели. Достижение цели не приносит им счастья, за преступлением следует наказание. Финал романа Соловьева — развернутая иллюстрация к одному из христианских праздников — дню Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Главная идея «Царь-девицы» представляется следующей: следование какой-либо одной добродетели не приносит человеку счастья, необходимо обладание всеми добродетелями. Ни мудрость (а затем разумность) царевны Софии, ни любовь Любы Кадашевой не делают их счастливыми. Покой и внутреннюю гармонию в конце романа обретает Любовь Кадашева, которая в монастыре принимает имя Вера. Ее пример и вселяет в Софию *надежду* на спасение, на избавление от мук совести. Соловьев объясняет читателю, что достижение внутренней гармонии возможно только в том случае, если человек в основу своего мироощущения кладет всю совокупность теологических добродетелей. Вера, надежда и любовь делают Любу Кадашеву в финале романа по-настоящему мудрой.

К теме христианских добродетелей Соловьев будет обращаться неоднократно на протяжении всего творчества. Что такое истинная мудрость автор объяснит читателю и в более позднем своем произведении, «Великий розенкрейцер» (1889). Священник, во многом выражающий авторскую позицию, говорит о своем брате: «его разум довел его до преступления», и, обращаясь к девушке, которая любит брата, продолжает: «люби его и спаси своей любовью <...> Извлеки его из мрака, покажи ему <...> свет добра, любви и милосердия», «через тебя, познав тщету мудрости, разума, дойдет он до мудрости сердца». «Мудрость сердца» и является, по Соловьеву, истинной мудростью. А чуть ниже священник указывает путь к достижению этой цели: «Все будет так, как угодно Богу. Проси Его помощи, *верь, надейся, люби* — только верь, надейся и люби не на слове, а делом, всей своей душой» (курсив мой. — С. В). Это и есть путь к высшей мудрости. Люба Кадашева, прошедшая через несчастья и потери, обрела в финале романа истинную мудрость, а с ней и внутреннюю гармонию.

В большинстве романов Соловьева герои проходят через ряд испытаний: соблазнение («Сергей Горбатов», «Царское посольство»); испытание верности или веры («Княжна Острожская», «Царь-девица», «Волхвы») и «Великий розенкрейцер»). Искусственное пространство литературного произведения давало читателю возможность обнаружить предел разрешенного, вычислить последствия нарушения норм, что позволяло получить социальный и культурный опыт снятия и решения конфликтов, который приобретается при этом без угрозы реального ущерба, травмы или

страдания. Важнейшей целью Соловьева являлось утверждение христианства как единственной истинной религии и изображение многочисленных несчастий, к которым может привести отступление от веры. Последствия были серьезными и даже трагичными как для героев, так и для героинь.

Полярные точки зрения на проблемы эмансипации, высказанные Н. Г. Чернышевским («Что делать?») и Л. Толстым («Война и мир»), показали, насколько различными были в обществе второй половины XIX в. взгляды на роль женщины. Соловьев нашел оригинальный подход к решению этой проблемы: в романе «Старый дом» он взял за основу текст, автором которого была женщина («Воспоминания» А. Е. Лабзиной), отдельные факты ее реальной биографии, но дал им «мужскую» оценку. Следя за духовными поисками Нины Ламзиной (героини романа «Старый дом»), читатель приходит к убеждению, что только семья является основой, на которой могут быть построены отношения между мужчиной и женщиной, что лишь семейная жизнь является нормой. Не менее значимым было изображение сектантства как ошибочного пути в поиске истины, даже в том случае, если руководитель секты (в романе Соловьева это Е. Ф. Татаринова) преисполнен самых благих намерений. Сходство «Воспоминаний» Лабзиной и «Старого дома» Соловьева на сюжетном уровне очевидно, принципиально различными являются подходы авторов к ситуации. Мемуары Лабзиной написаны как исповедь святой души, как назидание душам, ищущим спасения. Лабзина гордится тем, что через все жизненные испытания она пронесла свою внутреннюю чистоту вопреки развратному мужу, который пытался развратить и жену. Однако, несмотря на свое стремление к святости, она впадает в грех гордости, разрешая себе суд над поведением мужа (Ю. М. Лотман). История Нины Ламзиной тоже поучение, но в еще большей степени это предостережение от возможных ошибок не только для молодых неопытных девушек, но и для зрелых людей. Однако самостоятельно Нина, в отличие от А. Е. Лабзиной, не может найти истинный путь. Ее духовным наставником, помогающим героине избавиться от искушения, вернуться к Богу, нравственно возродиться и очиститься, выступает главный герой. Олицетворением добродетели и разврата в романе Соловьева являются мужчины (Борис Горбатов и князь Еспер), женщина оказывается введомой; из субъекта в «Воспоминаниях» А. Е. Лабзиной она превращается в «Старом доме» в объект, что позволяет увидеть иной, «мужской» взгляд на жизнь женщины, на этапы ее духовного становления.

Финал «Старого дома» нельзя в полной мере назвать счастливым. Борис Горбатов, не разделявший убеждений декабристов, отправляется в Сибирь по ложному обвинению в принадлежности к тайному обществу.

Автор подчеркивает высокие нравственные качества героя: оправдывая себя, он должен был бы обвинить родного брата. *Happy end* имеет другая сюжетная линия романа: любовь Горбатова и Нины Ламзиной выдерживает многочисленные испытания, Нина отправляется за Горбатовым в Сибирь. В «Старом доме» реализуются традиционные представления о мужестве, стойкости декабристов, об их преданности мужьям, во имя которой они отказываются от всех благ. В этой связи возникает литературная параллель между Ниной Ламзиной и Наташей Ростовой. Судьба Нины Ламзиной напрямую соотносится с нереализованной возможностью падения Наташи в истории с Анатолом Курагиным и последующим обретением семейного счастья с Безуховым. Соловьев дописывает за Толстого то, что в эпилоге «Войны и мира» заложено как один из вариантов развития событий: героиня становится декабристкой. Представитель массовой беллетристики, Соловьев не пытался повторить масштабность замысла Толстого. Смысловой центр «Войны и мира», война 1812 года, изображается Соловьевым в нескольких эпизодах и лишь в связи с историей Горбатова и Нины. Следовательно, и «мысль народная» не была реализована в романе. На первый план в «Старом доме» выступает «мысль семейная», с которой связаны оправдавшиеся ожидания читателя на счастливую развязку.

Поиск жизненного пути героями-мужчинами в романах Соловьева также реализуется с оглядкой на существующие литературные произведения. Так, Борис Горбатов проходит тот же жизненный путь, что и Пьер Безухов: война 1812 года, поиски смысла жизни, увлечение масонством, разочарование в нем, декабристское общество. Для Пьера Безухова и Бориса Горбатова масонство становится важным этапом их духовного поиска. Разочаровавшись в русском масонстве, герои ищут и не находят истину за границей. Пьер Безухов в эпилоге — один из основателей тайного декабристского общества. Борис Горбатов, не нашедший истины в масонстве, не увидел ее и в декабристских идеях. Этот герой во многом является выразителем идей автора: читатель Соловьева смотрит на происходящее глазами молодого Горбатова. Именно с этим связаны концептуальные различия в изображении судеб Пьера Безухова и Бориса Горбатова. Прямых оценок декабристского движения в «Войне и мире» нет. Хотя Пьер приходит к декабристам, внимательный читатель понимает, что Толстой идеям декабристов не сочувствует, анализируя аргументы Николая Ростова и Денисова в споре с Безуховым в эпилоге романа. Соловьев рассчитывал на другую аудиторию, на массового читателя, для которого следовало до конца досказать основную мысль произведения. Автор не мог допустить, чтобы один из любимых его героев проповедовал идеи, которые не разделяет сам ав-

тор, поэтому Борис Горбатов выступает в романе противником декабризма. Соловьев считал путь бунтов и революций кровавым и бессмысленным, и Борис Горбатов этот путь отвергает, хотя и попадает в Сибирь: нравственные принципы не позволяют положительному герою оправдываться, обвиняя другого. И даже неблагоприятный финал получал радужную окраску: герой сослан в Сибирь, но вместе с ним едет любимая девушка. В массовой беллетристике встречаются произведения, в которых судьба героев складывается несчастливо, а иногда и трагично («Мадонна» Е. Салиаса). Но сам Соловьев писал в финале повести «Княжна Острожская»: «...народ не любит печальных окончаний. Он верит, что после тяжелых бедствий, после неза заслуженного горя, приходит счастье. Он воскрешает своих героев и наделяет их светлой долей». Поэтому в произведениях массовой беллетристики добро торжествует над злом, а в романах самого Соловьева добродетельные герои вознаграждены, а отрицательные наказаны. Истории жизни Безухова и Горбатова — лишь один пример схождения и несовпадения в судьбах героев Толстого и Соловьева. Подобные примеры в текстах Соловьева, незначительные на первый взгляд, касаются и судеб других героев, и сюжетных поворотов, и философской трактовки исторических событий.

Мир метафизического и мистического всегда привлекал массового читателя, поэтому необъяснимое, волшебное достаточно часто находится в центре внимания беллетристов. Соловьев широко использовал элементы мистического в своих произведениях. Он подробно описывал учения сектантов и изображал знаменитую основательницу секты «Ищущие Христа» Е. Ф. Татаринову. Он приоткрывал завесу тайны над обрядами масонов («Старый дом»), рассказывал о зарождении масонства в России и сделал своим героем знаменитого графа Калиостро («Волхвы», «Великий розенкрейцер»). На страницах «Севера» он обсуждал проблемы спиритизма и оккультизма и посвятил книгу основательнице теософского общества Е. П. Блаватской («Современная жрица Изиды»).

Изображение таинственных явлений в разных жанрах (мистическая диалогия, рассказы, мемуары, публицистика) Соловьев всегда сводил к тому, чтобы избавить читателя от суеверного страха перед неизвестным. Иногда, как в случае с Е. П. Блаватской, это было разоблачением мошенничества (в начале 1890-х гг. Соловьев считал Блаватскую талантливой мошенницей). Если чудо изображалось как достоверный факт, его чудесность, как правило, объяснялась младенческим развитием науки, непознанностью законов природы, недостаточностью знаний человечества (Север. 1889. № 28), так описаны спиритические сеансы, в которых Соловьев

принимал участие вместе с Достоевским (Север. 1889. № 9) и о которых Достоевский рассказывал в «Дневнике писателя» (1876). Тайные знания, которыми обладает великий розенкрейцер Захарьев-Овинов, поражают читателя мистической дилогии. Он умеет управлять людьми и читать их мысли, в совершенстве владеет гипнозом, исцеляет, перемещается в пространстве. Однако волшебное и таинственное для самого автора имеет второстепенное значение: это лишь способ заинтересовать читателя. На первый план и в этих романах выступает воспитательно-дидактическая функция. На примере мага Калиостро и розенкрейцера Захарьева-Овинова Соловьев показывает, до каких пределов человек может развить в себе силу воли, до какой степени может он ради достижения поставленной цели изменить характер, контролировать чувства и эмоции и насколько напрасны эти титанические усилия без христианской религии и без любви. Знание законов природы, умение управлять людьми не дают человеку возможности найти путь к счастью, они не только не гарантируют счастье, но и уводят от него. Соловьев в мистической дилогии подводит читателя к выводу, что знание высших законов природы не является гарантией достижения высшего блаженства. Лишь христианство дает возможность человеку достигнуть духовной гармонии. Брат розенкрейцера Захарьева-Овинова, отец Николай, — обычный священник, но он оказывается сильнее великого розенкрейцера, обладающего тайными знаниями. Захарьеву-Овинову ради достижения своих целей пришлось отказаться от всех радостей жизни, в том числе и от личного счастья, а глубоко верующий, духовно прекрасный отец Николай одной лишь горячей молитвой исцеляет больных и возвращает людей к жизни. Таким образом Соловьев формировал в сознании своих читателей систему представлений о незыблемости нравственно-христианских ценностей.

Соловьев предлагает в романах свои рецепты счастья: соблюдение христианских добродетелей, следование христианским законам, безусловная и безоглядная вера в Бога. Эти принципы повседневного поведения избавляют от ошибок, обеспечивают внутреннюю гармонию, помогают выдержать посланные испытания, обрести дружбу, любовь, семью.

Представления о социальном порядке принадлежат к наиболее общим и репрезентируемым в любом литературном произведении, именно на их фоне разворачивается сюжетное действие. Этим представлениям посвящена глава вторая «*Уроки царям и народам*». Вс. Соловьев с ранних лет встречался с историками и литераторами: «Дом Сергея Михайловича Соловьева был настоящим литературным салоном, куда стекались видные представители науки, литературы, где своими людьми были Тимофей Николаевич

Грановский, Петр Николаевич Кудрявцев, „сказочник“ Александр Николаевич Афанасьев, Константин и Сергей Аксаковы, Писемский, графиня Салиас-де-Турнемир (Евгения Тур), и где основался кружок московских профессоров, главным образом историков, собравших вокруг себя лучшие молодые силы подраставшего поколения» (В. П. Быков). Разумеется, Соловьев был знаком с произведениями талантливых русских литераторов, осмыслял их, их отголоски содержатся во всех произведениях Соловьева. Столь же очевидно, что, будучи сыном крупнейшего русского историка, Вс. Соловьев размышлял и над проблемами историософии, и над путями дальнейшего развития России (свидетельством тому близкое знакомство с Грановским и Аксаковыми). Однако развернутой истории философии в романах Соловьева нет. В силу специфики творчества его волновали, в первую очередь, проблемы исторического развития России, он хотел определить место России в ряду других государств, перспективы ее развития.

Массовая беллетристика, рассчитанная на облегчение жизни человека в социуме, стремилась не только регулировать межличностные отношения, но и рассказывать о мире, в котором живет человек. Важнейшим в этом отношении и для исторического романа является осмысление проблем движения истории, постижение ее законов. Писатель, изображающий реальное событие, оказавшее влияние на последующее развитие страны, так или иначе вписывает его в контекст истории, высказывая свою точку зрения относительно общих закономерностей, частных и случайностей в развитии человечества. Конечно, нельзя говорить, что Соловьев в исторических романах создает собственную картину мира, он, скорее, складывает ее, как мозаику, из описанных и объясненных в трудах историков фактов и из уже созданных в литературе конструкций. Однако это не означает, что нарисованная им картина мира является примитивной или упрощенной. Упрощенной она является для читательского восприятия. Автор свободно оперирует самыми сложными приемами и литературными конструкциями, но использует их лишь для своих собственных целей и задач.

Соловьев помогает читателю формировать собственные представления о мире. Эта проблематика являлась важнейшей частью романов Соловьева, поскольку помогала читателю понять непрерывно изменяющийся мир, осознать свое место в нем. Автор в своих произведениях толкует историю как ответ на многие современные вопросы: отношение человека к миру, взаимоотношения народа и власти, условия благоденствия государства.

В первом и втором романах «Хроники четырех поколений» («Сергей Горбатов», «Вольтерьянец») Соловьев изображает те же исторические события, к которым обращается Пушкин в оде «Вольность»: французская ре-

волюция, казнь Людовика XVI, правление Наполеона, смерть Павла I, поэтому пушкинский взгляд на эти события был, возможно, для Соловьева отправной точкой в построении собственной концепции. Соловьев, очевидно, ставил задачу оправдать короля и королеву в глазах читателей. Не снимая с них ответственности за бездеятельность, он подчеркивает их прекрасные человеческие качества. Действия короля и королевы, в трактовке Соловьева, не являются преступными по отношению к народу, народ же совершает беспричинную жестокость, казнив их, и, таким образом, как и в оде Пушкина «Вольность», виновен в преступлении. В пушкинской трактовке за преступлением французского народа следует наказание: воцарение Наполеона поэт рассматривает как возмездие за казнь короля. Соловьев не указывает на Наполеона как на орудие возмездия за преступление, но наказание, по мнению автора, всё равно придет, об этом говорит цесаревич Павел: «Правда и счастье не могут быть достигнуты преступными средствами, всякая капля пролитой крови влечет за собой только неправду и горе». В романе «Сергей Горбатов» наказание следует непосредственно за преступлением, оно начинается сразу же после событий 5 октября 1789 г. До сих пор ведутся споры о хронологических рамках и о внутренней периодизации французской революции, но «историю» Соловьева это не затрагивает, он изображает только первый год революции — 1789, то есть ее начало. Кульминацией этого года он, вероятно, считал 5 октября, поскольку именно так названа единственная глава, привязанная к конкретной дате. События этого дня убеждают, что с лозунгами революции, с мечтами о свободе и равенстве покончено, в ходе революции произошел перелом, наступает эпоха диктатуры — эпоха наказания за совершенные во имя прекрасной цели злодеяния. Таков результат французской революции. Соловьев не ищет первопричину французской революции, ему важнее показать «бессмысленность и беспощадность» народного бунта.

Социальный порядок во Франции начала 1790-х гг. изображается в романе «Сергей Горбатов» «бесчеловечным», «жестоким», «противоестественным», его альтернативой является благоденствие России, стабильность которой поддерживается правлением мудрой Екатерины II. Описание Франции и России содержат критическую оценку мира Франции, с одной стороны, и утверждение разумного, справедливого мира России, с другой стороны. Такое противопоставление помогает читателю формировать свое представление о расстановке политических сил в мире.

Соловьев в полной мере реализует принцип однозначного, идентичного авторскому замыслу, прочтения, свойственного массовой беллетристике в целом. Читателю нет необходимости постигать, угадывать основ-

ную идею произведения, она сообщается декларативно. Даже в тех случаях, когда Соловьев использует сложные художественные образы и приемы, заимствованные из произведений писателей первого ряда, позиция автора остается для читателя предельно ясной и не дает возможности вариативного прочтения. Например, характеристики грозы как символа революции в «Хронике четырех поколений» текстуально сходны с описанием загадочного *оно*, которое появляется в финале «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, а остановки в движении истории Соловьев, вслед за Щедриным, называет водоворотами. Но если смысл финала «Истории одного города» до сих пор вызывает споры, то идеи, которые заимствует Соловьев, трансформируются во вполне конкретный образ. Цель Соловьева — лишить революцию не только привлекательности для читателя, но и какого-либо налета сверхъестественного, показать, что это дело рук человеческих. Кроме того, если грозное щедринское *оно* пугает читателя, как всё неведомое и непонятное, то в романе Соловьева революция хоть и страшна, но понятна и объяснима.

Роман «Сергей Горбатов» можно рассматривать как урок народам. Исторические примеры Соловьева убеждают читателя, что высшее правосудие свершится, что наказание за преступление неминуемо. Бессмысленными и опасными для народов являются попытки установить более справедливый порядок, они ведут к дальнейшим преступлениям, а не к благим последствиям, какие бы благородные идеи ни лежали в их основе. С другой стороны, это и урок царям. Правитель не имеет права благодушествовать, его обязанность — управлять страной твердой рукой, отстраненное отношение к руководству государством, неумелое управление тоже являются преступлением и влекут за собой наказание. Кроме того, стабильность и незыблемость России, ее величие на фоне революционной Франции формировали у читателя чувство безопасности, иллюзию порядка, что было особенно актуально после покушения на Александра II. История становилась школой воспитания патриотизма, любви к Родине.

На одном и том же фактическом материале в литературе создается множество биографий исторических личностей, оценка их деятельности зависит от позиции авторов жизнеописаний. Одна из проблем, поставленных Соловьевым позднее, в «Хронике четырех поколений», — проблема власти в самых разных ее аспектах. Перед читателем проходит целый ряд царствующих особ: Петр I, Петр III, Екатерина II, Павел I, Александр I, Людовик XVI, Мария-Антуанетта и др. Соловьев стремился не просто достоверно изобразить правителей, но и проанализировать экономическую и политическую ситуацию в государствах в период их правления. Автор пы-

тался сформировать у читателя представление об идеальном правителе, о тех чертах характера государя, которые способствуют наибольшему процветанию страны.

Центральными фигурами не только XVIII в., но и всей русской истории, в представлении Соловьева, были Петр I и Екатерина II. Ни в одном из романов Соловьев не изображает зрелый период правления Петра I, подробно описана лишь борьба за престол Софьи и Петра в «Царь-девице». Отношение писателя к Петру I первоначально не было однозначным. В «Царь-девице» Соловьев пытается оценить его объективно, не затушевывая негативных черт характера. В более поздних произведениях («Юный император», «Хроника четырех поколений», рассказы) Соловьев оценивает личность и деятельность Петра без привнесения негативного оттенка. Все цари и самовольные правители России так или иначе соотносены с Петром, что было традиционным для русской литературы («Полтава» Пушкина, «Последний Новик» И. И. Лажечникова, «Царь и гетман» Д. Л. Мордовцева и др.).

Елизавету Петровну Соловьев изображал с особой теплотой, так как она была законной наследницей русского престола, дочерью Петра I, «она поняла народ русский, его чувства, надежды и мечтания, поняла потому, что сама составляла одно целое с этим народом. Она знала, что народ не успокоится до тех пор, пока власть не перейдет в Петрово потомство, пока не совершится законная справедливость, по которой созданное человеком должно принадлежать этому человеку и его прямым наследникам» («Капитан гренадерской роты»).

В романах Соловьева роль Екатерины II в истории России сравнивается с ролью Петра I («Хроника четырех поколений», «Волхвы», «Великий розенкрейцер»), а императрица выступает продолжательницей начатого им дела. Екатерину II в «Хронике четырех поколений» неоднократно называют Великой, так Соловьев, вслед за многими историками, приравнивал ее деятельность к деятельности Петра Великого. На преемственность Петра I и Екатерины II указывает ряд деталей (например, табакерка императрицы с изображением Петра). Соловьев подчеркивает, что Екатерина II никогда не смешивала роль женщины с ролью императрицы. Главная ошибка Марии-Антуанетты («Сергей Горбатов») заключалась в том, что она такого разделения не допускала и была императрицей-женщиной. Екатерина же, в трактовке Соловьева, отделяла государственные интересы от своих личных симпатий. Несомненной заслугой Екатерины явилось и то, что она, в отличие от Марии-Антуанетты, сумела расстаться с иллюзиями молодости, с увлечением философией Просвещения, оставив в прошлом дружбу с Вольтером и

Дидро. Для Соловьева дела Екатерины, ее роль в упрочении положения России среди европейских государств оказались важнее, чем ее ошибки.

Столица у Соловьева представлена во многом как творение Екатерины II. Если Петр I этот город основал, то Екатерина придала ему необходимый блеск, лоск, сделала его шумным, праздничным. С одной стороны, столица во многих романах Соловьева является средоточием неправды, несправедливости, погони за чинами, богатством и другими милостями царствующих особ, такой Петербург мы видим в произведениях 1880-х гг. С другой стороны, именно Петербург со времен Петра I является символом России как великой державы. В романе «Юный император» (1877) жизнь Петра II в Москве наполнена всевозможными развлечениями, молодой государь совсем забывает об обязанностях правителя. Петербург в романе выступает как символ стабильности государства, только там может быть в полной мере реализована царская власть. В последующих романах Соловьева («Хроника четырех поколений», «Волхвы», «Великий розенкрейцер») оформилось четкое противопоставление двух городов: «Москва — город русского народа, и народ здесь является во всей своей черноте и в своей красоте, и в своем безобразии, со всеми особенностями своих нравов и своего быта», «Петербург — придворный город, город чиновной знати, праздных богачей, приезжих иностранцев» («Сергей Горбатов»). Противоречия в изображении Петербурга, в сущности, нет, столица и должна быть красивее и богаче провинции. Петербург изображается в романах Соловьева как красивый европейский город, и таким его создала Екатерина II, продолжившая дело, начатое Петром.

Совершенно иную оценку получает у Соловьева Павел I, который толковался в русской историографии весьма противоречиво, что нашло отражение и в литературе. Историография павловского правления, насчитывающая 200 лет, столь же сложна, как само царствование Павла I. Вплоть до начала XX в. историки касаются событий конца XVIII столетия лишь попутно, изучая финансовую и сословную политику, военную историю России, ряд других вопросов, а также в рамках общих курсов истории страны. Но уже в первые десятилетия XIX в. складываются две противоположные точки зрения на личность императора. Одна точка зрения предложена в «Записке о древней и новой России» Н. М. Карамзина, «Вольности» Пушкина, другая — в работах 1805 г.: «Жизнь Павла императора и самодержца всероссийского» В. С. Кряжева и анонимном издании «Жизнь, свойства и политические деяния императора Павла I...». Соловьев опирался и на обширную литературу 1860-х — начала 1880-х гг., значительно расширившую источниковую базу за счет публикаций в журналах «Рус-

ский архив», «Русская старина». Писатель продолжил реабилитацию Павла I, начатую в художественной литературе Вс. В. Крестовским (повесть «Деды»). В какой-то степени образы Екатерины и Павла Соловьевым противопоставлены: если Екатерина — идеальная правительница, то Павел, при всех его прекрасных качествах, как правитель не состоялся («Серей Горбатов», «Вольтерьянец»).

Павел, в трактовке Соловьева, обладал многими непривлекательными чертами, которые сформировались в детстве как плод неправильного воспитания, поэтому писатель оправдывает цесаревича, объясняет негативные черты его характера. Но в то же время Соловьев не идеализирует Павла, показывая подозрительность и взрывной характер будущего императора. Свои художественные произведения Соловьев создавал в соответствии с запросами читателя. Все они преследовали просветительскую цель: рассказать о каком-то периоде в истории России, о правителях и их приближенных, о быте и нравах того времени, хотя «история» Соловьева, невзирая на стремление к достоверности, предполагала и наличие определенной тенденции, автор пытался оправдать императора в глазах потомков. Однако примеры правления Людовика XVI и Марии-Антуанетты во Франции, Павла I в России в романах Соловьева показывали, что личные качества правителей не играют существенной роли. С этой точки зрения индивидуальные человеческие качества правителя, его недостатки, страсти вообще теряют свое значение. Важной является лишь его роль в выстраивании внутренней и внешней политики государства, умение управлять страной на благо этой страны. Именно такими правителями для Соловьева были Петр Великий и Екатерина Великая.

Во второй части работы «Редакционно-издательская деятельность Вс. С. Соловьева как путь к массовому читателю» рассматривается деятельность Соловьева как редактора и издателя. Соловьев начал сотрудничать с газетами и журналами во второй половине 1860-х гг., как раз на пике издательского бума в стране. С 1866 г. в печати появляются стихотворения Соловьева, его произведения за подписью *Всеволод С., В. С-в* и позднее под криптонимом *Ш* публиковались в «Русском вестнике», «Заре», «Вестнике Европы», «Гражданине», газете «Санкт-Петербургские ведомости». Сотрудничество с этими изданиями не только помогало становлению Соловьева как писателя, критика, переходу его из разряда учеников в разряд маститых литераторов, но и, безусловно, формировало его взгляды на издательское дело. К концу 1880-х гг. Соловьев стал, с одной стороны, популярнейшим писателем у самой широкой аудитории, с другой стороны, приобрел достаточный опыт, сотрудничая в различных периодических из-

даниях. Он хорошо изучил журнальный рынок и читательские потребности. Всё это давало надежду на то, что издание собственного журнала будет успешным. Исследованию редакционной политики журнала «Север», издаваемого Соловьевым с 1888 г., посвящена глава первая «*Эволюция концепции журнала „Север“*».

В программе подчеркивалось, что журнал будет «*чисто-русским* изданием, преследующим <...> литературные, художественные и патриотические цели» (Север. 1887. № 1. <Рекламный выпуск>. С. 2), поэтому в нем не будут печататься переводные романы и иллюстрации из заграничных изданий. В «Севере» публиковались произведения Вс. Соловьева, П. П. Гнедича, Вас. И. Немировича-Данченко, кн. М. Н. Волконского, Н. П. Вагнера (кота Мурлыки), К. В. Тхоржевского, М. А. Загуляева, Н. К. Лебедева-Морского, А. П. Доброславина и др. Поэзия была представлена произведениями А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, К. К. Случевского, К. М. Фофанова. Соловьев стремился приглашать авторов, которые уже были известны читателю, большинство из них публиковалось в популярных и многотиражных изданиях «Русский вестник», «Нива», «Санкт-Петербургские ведомости». Это, по замыслу издателя, должно было привлечь внимание потенциального читателя к новому журналу, сделать ему рекламу и обеспечить первых подписчиков.

В художественном отделе «Севера» публиковались работы, выставленные на Академических выставках в Петербурге и на Всемирных выставках в Париже. Редакция гордилась множеством рисунков и набросков И. Е. Репина, что подчеркивалось в обращении к читателям в последнем номере журнала за 1888 г. Тексты и иллюстрации занимали в журнале равноправное положение (о чем свидетельствуют два раздела в содержании — «Тексты» и «Рисунки», в которых обязательно указывалось авторство).

Свой журнал Соловьев ориентировал, по его словам, на «самый широкий круг читателей» (Русская мысль. 1901. № 5. С. 699). Вместе с тем он уточнял, что это «русские образованные люди», «находящиеся, по своему положению, на самых различных ступенях общественной лестницы» (Север. 1888. № 3. С. 11). Поскольку Соловьев разделял понятия *грамотный* и *образованный*, постольку слова «русские образованные люди» означают, что его беллетристика и журнал не ориентированы на народного читателя. Отвечая одному корреспонденту «Севера», он писал, что журнал «вовсе не предназначен для чтения *народа*, т. е. русского крестьянства, только грамотного, но не образованного. Вы — крестьянин, оставшийся у земли, но если вы получили такое образование, что знакомы с русской литературой и выписываете литературно-художественные издания, то, согласитесь, вы

представляете только прекрасное исключение и не можете отождествлять себя с тем народом, для которого должно, по степени его развития, существовать *совсем особое* чтение, очень строго, осмотрительно и разумно составленное» (1888. № 6. С. 12. Курсив автора). Однако реальный читатель «Севера» не совпадал с воображаемым. Это был читатель не образованный, а скорее полуобразованный, который и являлся основным потребителем иллюстрированных еженедельников. Очевидно, редакция «Севера» все-таки понимала это, о чем свидетельствует характер публикаций. Раздел «Политические обозрения» появлялся нечасто, а через два года был закрыт. Политическим проблемам иногда посвящались «Беседы „Севера“», содержащие не только обзор событий, но и разъяснения, и выводы. В журнале не было собственно научных публикаций, их заменяли научно-популярные статьи, написанные доступным широкому читателю языком и носившие просветительский характер. Как и все иллюстрированные еженедельники, «Север» отличался разнообразием материала. Анализ оглавления «Севера» за 1888 г. показывает, что самыми большими были разделы «Беллетристика» (47 произведений) и «Стихотворения» (39), «Биография и некролог» (32). Далее шли разделы «Путешествия и этнография» (20), «Исторические очерки» (19, из них 11 мемуарного характера), «Беседы „Севера“» (18), «Статьи научные» (14, в том числе «Хроника чистого и прикладного знания» — 6), «Статьи разного содержания» (13).

В большинстве номеров публиковались «Беседы „Севера“», в которых обсуждались самые важные для редакции темы: о народном образовании, о воспитании детей и подростков, об отсутствии патриотизма у русских, об экономике и политике, о пьянстве. В первый год издания журнала автором «Бесед», как правило, выступал сам издатель. Оценивая значение литературы в жизни общества, Соловьев рассматривал ее как моральное и политическое орудие, считая, что содержание и форма литературного произведения оказывают непосредственное влияние на мировоззрение и поведение человека. Подобным же образом он оценивал и роль своего журнала. Формирование чувства патриотизма издатель считал первоочередной задачей. Уже первая «Беседа „Севера“» называлась «Наша беда». Беда заключается в том, что мы, русские, «до сих пор как-то жалко принимаемся перед Европой, стыдимся своей мнимой неприглядности и не замечаем своего действительного богатства, не чуем своей силы. Мы подшучиваем и подсмеиваемся над собою и своим, представляем чужим и себя и свой дом в неумытом виде» (1888. № 1. С. 15). Русским не хватает гордости за свою страну. Другая важнейшая тема «Бесед „Севера“» за 1888 г. — воспитание молодого поколения. «Вопрос о воспитании и образовании русских детей»

Соловьев считал «самым важным, самым существенным нашим внутренним вопросом» (1888. № 4. С. 12). В других «Беседах» (1888. № 2, 5), автором которых также был Соловьев, говорилось о вреде революционных идей для формирования личности, о необходимости готовить детей к жизни в той среде, где они родились.

В ряде «Бесед» затрагивались проблемы веры. Соловьев был убежден, что христианство (и конкретнее — православие) есть залог будущего России. Великое будущее русского народа возможно только при условии, что он останется твердым в вере своих отцов (1888. № 6). В целом, можно говорить, что все «Беседы „Севера“» носили характер воспитательно-нравучительный, инструктивный. Соловьев предлагал свою точку зрения на самые разные проблемы (народные рассказы Толстого, политическая ситуация в Европе, ситуация на железных дорогах, школьные каникулы) и на конкретные события (спасение царской семьи в катастрофе 17 октября 1888 г.; адрес, присланный Евангелическим союзом императору, и ответ, написанный обер-прокурором К. П. Победоносцевым).

Стремясь формировать вкусы образованного читателя, журнал много внимания уделял проблемам литературы и искусства. При этом авторы заметок и рецензий старались не только сообщать факты, но в соответствии с общей концепцией журнала давать некоторые оценки, направлять читателя. Неоднократно в журнале упоминались Пушкин и Н. В. Гоголь, безусловно признанные классиками. В 1889 г. напечатана фотография памятника М. Ю. Лермонтову в Пятигорске. Заметка об этом событии не подписана, но в ней приводится текст речи Соловьева на церемонии (1889. № 36), в которой говорится о таланте Лермонтова. Неоднократно журнал обращался к произведениям Л. Толстого, творчество которого оценивалось неоднозначно. Кроме высказываний о творчестве отдельных авторов, в «Севере» был опубликован цикл статей М. Щ-ого «Несколько слов об искусстве» (1889. № 48—50).

В разделах, посвященных литературным и художественным новостям, печатались сведения о вновь вышедших произведениях известных писателей, о выходе собраний сочинений. Например, сообщалось о переводах сочинений Пушкина, Лермонтова и Некрасова на финский и шведский языки, о публикации «Войны и мира» в Праге, здесь же говорилось о выходе новой немецкой карты Европейской России и Кавказа, а ниже — об ожидающемся выходе нового издания Полного собрания сочинений А. С. Грибоедова, в котором предлагались выверенные тексты, публиковались новые произведения автора с примечаниями и комментариями под редакцией И. А. Шляпкина (1889. № 38). Иногда подобные сведения выносились в отдельный раздел

«Библиография». В отношении постоянных авторов, сотрудничавших с «Севером», сообщения носили рекламный характер.

Публиковались в «Севере» биографии известных людей: художников К. А. Трутовского (1889. № 37) и И. Е. Репина (1889. № 38) под общим названием «Наши художники-живописцы», музыканта А. Г. Рубинштейна (1889. № 47—48), математика В. Я. Буняковского (1889. № 52), московского главнокомандующего Т. И. Тутолмина (1890. № 6), генерала М. Г. Черняева (1890. № 27), юриста М. Н. Капустина (1890. № 52) и др.

Много внимания уделялось в журнале просвещению читателя. Так, в довольно объемной статье «Что такое прививка» подробно рассказывалось не только о прививках и принципах их воздействия на человека, но и о составе крови (1889. № 38). Вот некоторые другие темы: история Троицко-Сергиевой лавры (1889. № 40), Почаевская лавра (1890. № 8, 9), первый съезд русских деятелей профессионального образования (1890. № 5, 6), русское шелководство (1890. № 10, 11), как прожить сто лет (1890. № 22), пигмеи центральной Африки (1890. № 34), могила Тамерлана (1890. № 43), средство против чахотки (1890. № 46) и многое другое. Кроме того, в журнале существовали разделы «Русское обозрение», «Внутреннее обозрение», «Смесь» и др.

Преследуя образовательные цели, редакция давала подробные комментарии к рисункам. Например, если публиковалась фотография мозаики Исаакиевского собора, то в разделе «Наши рисунки» рассказывалось об этой мозаике, приводилась история постройки собора (1889. № 35). Авторы комментариев старались научить читателя понимать изображенное. Поскольку журнал был изданием иллюстрированным, то его оформлению, разумеется, уделялось большое внимание. Расположение и компоновка материала, виньетки к стихотворениям, вклейки с рисунками и иллюстрациями — все это редакция старалась выдерживать в одном тоне, учитывая при этом разнородность публикуемого материала. Однако удавалось не все и не всегда. Не вполне понятно, почему, например, в центр страницы со статьей о финансовой ситуации в России поместили портрет актера П. М. Садовского в роли Расплюева (1888. № 10), а в текст «Волхвов» Вс. Соловьева — фотографию поэта А. Н. Майкова (1888. № 19) и т. д. Случались и курьезы. Так, статья С. П. Васильева «Город Баку» иллюстрирована двумя фотографиями с видами Петербурга (1888. № 9).

На первый взгляд, концепция журнала в 1888—1890 гг. менялась незначительно. В обращении «Севера» к подписчикам в конце 1888 г. подтверждались прежние цели, вновь подчеркивалось высокое художественное достоинство произведений, публикуемых в «Севере», что выгодно от-

лично его от других изданий. Редакция повторяла, что «Север» остается журналом с «чисто русским направлением», что это «общедоступное иллюстрированное издание» (1888. № 52. С. 1). Отмечалось, что «художественный отдел „Севера“ должен был обстоятельно познакомить наше общество с современным состоянием отечественного искусства и наглядно показать, чего может достигнуть художественное издание с помощью только русских художников, иллюстраторов и граверов, не обращаясь к иностранным исполнителям. В виду этой цели, к участию в „Севере“ были привлечены наши известнейшие художники и лучшие граверы <...> Никогда в русском общедоступном иллюстрированном издании за один год не собиралось столько рисунков, исполненных известнейшими нашими художниками специально для этого издания, как в „Севере“. Таким образом, первый том „Севера“ является весьма полным указателем современного состояния рисовального и граверного дела в России» (Там же).

Но если первоначально адресатом были «русские образованные люди», то теперь речь шла о «русских семьях», что существенно корректировало содержание номеров — появлялась необходимость учитывать интересы различных возрастных групп. Надо отметить, что журналы для семейного чтения были наиболее распространенными среди иллюстрированных еженедельников и имели широкую читательскую аудиторию. Многотиражность издания не должна была, по мнению редакции, влиять на его качество, нельзя было снижать стоимость журнала в ущерб его содержанию, что и ставил «Север» себе в заслугу: «Оберегать семью от бессмысленного и развращающего чтения, от всех этих „русских и переводных романов“, не имеющих ничего общего с настоящей литературой, — является в наше время настоятельной заботой каждого благоразумного и сознательно действующего человека. Дать русской семье здоровое, правильно развивающее и художественное чтение, — должно быть целью всякого русского издания, общедоступного по цене, а потому предназначенного к более или менее широкому распространению» (Там же. С. 2).

В конце 1889 г. вновь утверждалось, что журнал адресован тому же читательскому кругу, что и прежде: «...оценить наше издание могут лишь образованные люди <...> мы пользуемся успехом в интеллигентных слоях русского общества», «все, что обратилось к „Северу“ по какому-нибудь недоразумению, все нерусское, не сочувствующее патриотизму, все невежественное и не желающее выходить из своего невежества, уходит и уйдет от „Севера“». Повторяется столь важная установка на образованного читателя, но его интересы противопоставляются теперь интересам «безграмотных невежд», так что получается, что интересы грамотного читателя тоже учитываются: «Наш

общедоступный по своей дешевизне журнал имел и имеет в виду вовсе не безграмотных невежд, а главным образом обращается к тем образованным и желающим своего русским людям и семьям, у которых нет средств тратить большие деньги на книги и журналы». Весьма существенной и окончательно проясняющей позицию журнала является следующая оговорка: «Русская, не только уж образованная, но даже просто грамотная семья не может обойтись без семейного чтения» (1889. № 51. С. 1050).

Расширение читательской аудитории, необходимость учитывать интересы грамотной семьи заставили редакцию журнала пойти на некоторые уступки. Приступая к изданию журнала, Соловьев категорически отрицал возможность появления в «Севере» раздела мод, поскольку это противоречило бы общей концепции: «Относительно приложения „модных выкроек“ дело, как нам кажется, исчерпывается одним вопросом: что общего между патриотическим литературно-художественным русским журналом — и выкройками так называемых „парижских“ мод?» (1888. № 3. С. 11). Однако вопреки этим намерениям с 1890 г. стало выходить бесплатное приложение к журналу «Хозяйство и домоводство», включавшее статьи о цветоводстве, медицине, кулинарии, модах и т. д. Редакция пыталась в какой-то степени отделить журнал от приложения: «В наступающем году, как видно из наших объявлений, мы решились ежемесячно рассылать нашим подписчикам приложение, заключающее в себе сведения по различным вопросам хозяйства и домоводства. Делаем эту пробу в виду того, что в течение двух лет мы постоянно получаем из провинции письма, где говорится о необходимости такого отдела в семейном журнале. Может быть, это и действительно потребность — во всяком случае мы в этом деле не знатоки и поручили ведение его специалистам. Если понравится и окажется полезным — будем очень рады. Только пусть не забывают наши постоянные читатели, что „Хозяйство и домоводство“ не имеет и не может иметь ровно никакого отношения к „Северу“ — литературно-художественному журналу; это лишь приложение к нему, допущенное вследствие уверения наших провинциальных корреспондентов, что оно очень нужно» (1889. № 51. С. 1051). Редакция, конечно, понимала, что произведения литературы и искусства и советы по домоводству адресованы различным читательским группам, и создание подобного приложения было уступкой в пользу *грамотного* подписчика, который, скорее всего, не мог оценить уровень литературно-художественных произведений.

К 1891 г. репутация журнала вполне сложилась. В объявлении о выходе нового журнала говорилось: «Журнал *Царь-Колокол* будет выходить еженедельно в формате Нивы, Севера и др.» (Русское обозрение. 1891.

Т. 1. Январь. Рекламное приложение). Тот факт, что «Север» поставлен в один ряд с «Нивой», одним из самых популярных изданий, свидетельствовал, что к 1891 г. он уже был хорошо известен читателю.

Однако изменение издательской политики Вс. Соловьева так и не дало ожидаемых результатов. В конце 1890 г. делается еще одна попытка привлечь новых читателей. Один из пунктов программы журнала на 1891 г., не противореча предшествующей установке на «русские семьи», конкретизировал: «Имея главнейшим образом в виду русскую молодежь и русских читающих женщин, „Север“ будет стремиться к тому, чтобы знакомить своих читателей с замечательными явлениями научного движения в России и за границей, передавая их в общедоступном и для всех интересном изложении» (1890. № 43. С. 845)

В 1891 г. редакция «Севера», с одной стороны, продолжает ориентироваться на *образованного* читателя. Больше внимания уделяется теперь проблемам литературы и искусства. Обзоры Д. Коропчевского «Возрождающиеся литературы» рассказывали о литературных явлениях в Германии, Голландии, Бельгии, Норвегии, Дании (1891. № 1, 2), появилась рубрика «Новости русской литературы» (1891. № 6, 7, 8, 14, 17, 20), печатались обзоры С. И. Львовича-Кострицы «По выставкам картин» (1891. № 11, 13). Сохранились без изменения разделы «Русская жизнь», «Смесь», «Хроника чистого и прикладного знания».

С другой стороны, делается слишком много уступок в пользу читателя *грамотного*. Уже первый номер за 1891 г. разительно отличался от предыдущих. Это относилось, как и предупреждала редакция, даже к оформлению. Нумерация страниц уступила место нумерации столбцов, в содержании исчезло деление на два раздела («Тексты» и «Рисунки»), круг авторов, печатавшихся в журнале, также изменился. В 1888 г. Соловьев ставил вопрос, что лучше: «дюжина старых иностранных клише из заграничных иллюстраций с самыми случайными и не имеющими никакого отношения к русской жизни и русскому искусству сюжетами — или четыре-пять рисунков, исполненных для „Севера“ нашими лучшими известными художниками и гравированных лучшими нашими граверами?» Ответ определялся ориентацией на конкретную аудиторию: «...имея в виду русских образованных людей, мы решаемся помещать меньше рисунков, но с тем, чтобы это были оригинальные ценные рисунки и представляли собою действительное состояние русского искусства в наши дни» (1888. № 3. С. 11). В 1891 г. в содержании стали указываться только тексты с уточнениями по их оформлению (стихотворение с виньеткой, роман с тремя рисунками и т. д.), причем авторы иллюстраций к текстам не назывались. Это, конечно, позволяло экономить средства, поскольку пуб-

ликация произведений именитых художников требовала и соответствующей оплаты. Такое изменение в оформлении преследовало и другую цель: оно являлось очевидной попыткой расширить круг читателей и привлечь менее подготовленную аудиторию, для которой иллюстрации к тексту облегчали понимание прочитанного.

Однако и эти изменения не спасли журнал. Возможно, совмещение должностей редактора и издателя помешало Соловьеву в полной мере контролировать финансовую ситуацию, возможно, сказалось отсутствие у «Севера» определенной политической платформы. С № 27 за 1891 г. издание переходит к Е. А. Евдокимову, но Соловьев остается редактором журнала. При этом журнал возвращается к своей первоначальной концепции, в частности, в содержании вновь появляется деление на два раздела («Тексты» и «Рисунки»), указываются авторы статей и иллюстраций и т. д. С № 40 за 1891 г. редактором журнала становится Вл. А. Тихонов, сотрудничавший в «Севере» с момента его основания. Эволюция, которую претерпевает «Север» в поисках своего читателя, отражает процессы демократизации читателя: «русские образованные люди» («интеллигентные слои русского общества») — «русские семьи» — грамотный читатель; это и объясняет изменения в редакционной политике журнала.

Деятельность Соловьева на посту редактора серии «Народные чтения» была поиском новой, более широкой читательской аудитории и попыткой реализовать собственные взгляды на проблемы народного образования. Этому посвящена глава вторая *«Народный читатель как массовая аудитория»*. Проблемы народного чтения и издания книг для народа очень остро стояли в России второй половины XIX в., на страницах газет и журналов разгоралась полемика, к изучению народного чтения обращались и издатели, и социологи. Еще в начале 1860-х гг. появилась так называемая «теория нравственного влияния» на общественное мнение, смысл которой заключался в том, чтобы превратить печать в проводника правительственных взглядов. На практике эта теория не дала ожидаемых результатов, но в дальнейшем каждое новое поколение государственных деятелей пыталось использовать ее основные положения. Предпринималось множество изданий книг для народа, обсуждались их тематика и жанры. Жаркая полемика развернулась после публикации статьи Н. Ф. Щербины «Опыт о книге для народа» (Отечественные записки. 1861. Февраль). С точкой зрения Щербины не согласился Достоевский (Время. 1861. № 7), который возражал против стремления «поучать» народ, подбирать произведения так, чтобы в них непременно содержалась критика «отрицательных сторон» и т. д. Иной позиции придерживался Д. И. Писарев (Русское слово. 1861. Кн. 3), подчер-

кивавший, что в литературе, адресованной «публике, стоящей ниже автора по умственному своему развитию», необходимо возвышать публику до себя, а не подделываться под ее вкус.

Взгляды Соловьева на народное чтение обусловлены его представлениями о роли литературы в жизни общества. Уже в первом номере «Севера» Соловьев с сожалением отмечает, что граф Л. Н. Толстой увлекся идеями народного образования, посчитав эту деятельность плодотворнее и так и не закончив обещанный роман о декабристах (1888. № 1. С. 18). Разговор о работах Толстого 1880-х гг. позволяет Соловьеву обратиться к весьма волнующей его теме. Многие «Беседы» «Севера» продолжают споры о народном образовании, которые велись в 1860—1870-е гг. в периодической печати и на страницах литературных произведений. В текстах «Бесед» содержатся прямые отсылки к этим дискуссиям. Рассуждения о том, что народ самостоятелен, что ему нельзя навязать какие-либо идеи или воспрепятствовать его развитию, Соловьев называет потерявшими всякую цену. Это только фразы 1860—1870-х гг., ничего не выясняющие и никому не помогающие. В конце же 1880-х гг., по мнению издателя, время фраз о народе проходит. Забыты авторы, изображавшие народ на блюдечках и конфетных коробках, как забыто восхищение и умиление этим нарисованным народом, но забыт и народ-страдалец, создавший «песню, подобную стону», как за несколько лет забыт поэт, создавший этот фантастический народ. Теперь требуется сказать новое слово о народе — таков общий настрой «Бесед» журнала «Север» (1888. № 11. С. 8—10; № 12. С. 10—11).

Соловьев в отношении народа и народного образования занимал консервативную позицию, которая соответствовала всей политике журнала. Он считал «народное образование, просвещение масс <...> одним из важнейших рычагов, быстрых двигателей нашего прогресса» (П. В. Быков). Издатель относил рассказ Л. Толстого «Чем люди живы» к лучшему произведению писателя последних лет, но признавал его прекрасным лишь в художественном отношении. «Если бы „Север“ был изданием для „народного“ чтения, — он никогда не стал бы рекомендовать „народу“ многое в „народных рассказах“ <...> гр. Л. Толстого. Речь, обращаемая к „народу“, так же как и речь, обращаемая к детям, должна быть проста и „ясна“ в высочайшей степени, так ясна, чтоб ни одно слово в ней не могло вызвать кривотолков». Эта позиция Соловьева не расходится с тем, что декларировал сам Толстой, который видел главную задачу «Русских книг для чтения» в том, чтобы «было просто, ясно, не было бы ничего лишнего и фальшивого». Но Соловьев продолжает: «И, само собою разумеется, ничто в этой речи не должно смущать православно верующего»

простого русского человека, являться соблазном». Религиозная позиция Толстого, отражавшаяся в его произведениях, вызывала критику Соловьева, хотя он не анализировал взгляды Толстого, не высказывал своего негативного отношения к его идеям, как Вл. Соловьев, беспокоясь лишь о трактовке христианских догматов в творчестве великого писателя. Вс. Соловьев допускал, что «строго спокойное и глубокое обсуждение» рассказа «Чем люди живы» выявит, что в нем, нет ничего антиправославного. Но «если этот рассказ может „соблазнить хоть единого от малых сих“», следует «исключить его из списка книг для народного чтения, несмотря на все его художественные достоинства и знаменитое литературное имя, под ним подписанное» (1888. № 6). Аналогичным образом оценивалась и драма «Власть тьмы». Более того, рассуждая о народных книгах в целом, Соловьев почти прямо пишет, что эти произведения Толстого приносят вред: «Если кто-либо из нас, русских грамотеев, оскудеет верою или впадет в безбожие <...> или <...> станет искать новых откровений, — это дело его совести. Он волен высказывать свои мысли и мнения, говорить о своих сомнениях, выводах и откровениях с равными себе по образованию и знанию <...> Но если такой русский грамотей вздумает говорить с „народом“, во всяком случае беззащитным против его тонкого, искусно отточенного оружия, не могущим, в простоте своей и доверчивости, отнестись строго-критически к своему собеседнику, если он будет силиться навязать народу ту сложную и пряную духовную пищу, которую и сам с трудом переваривает — он совершит злое и тяжкое дело!» (1888. № 6. С. 13).

В соответствии с этими взглядами издания серии «Народные чтения» носили ярко выраженный просветительский, воспитательный характер. Здесь редактор смог в полной мере реализовать дидактический подход, который не принес успеха при издании журнала «Север». Так, в книжке «Значение А. С. Пушкина и его произведений» (1899) сообщалось, что Пушкин «много работал над своими творениями <...> говорил, что „без постоянного труда нет истинно великого“ — и всегда применял эти слова на деле». Отличительные черты фамусовского общества дают повод автору поговорить с читателем о необходимости самовоспитания и стремлении к самосовершенствованию: «Погоня за легким успехом, радение родному человечку в ущерб справедливости, угодничество и низкопоклонство <...> — всё это неизменно живет в любом человеческом обществе. Несомненно, однако, что от нас самих зависит или отдать себя во власть этим порокам, или, устыдясь их безобразия, стремиться стать лучше, честнее и благороднее». Это и определяет значение литературных произведений: «Литературные произведения, подобные „Горю от ума“, имеют то драгоценное свой-

ство, что они раскрывают обществу глаза на его недостатки и слабости, предадут эти недостатки и слабости всенародному осмеянию и заставляют людей внимательно следить за своими поступками и словами» (Грибоедов Александр Сергеевич / Сост. К. П. М. 1900). Аналогичным образом построены книги из серии «Народные чтения», посвященные творчеству в целом или отдельным произведениям Н. М. Карамзина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. К. Толстого и др.

В Заключении представлены итоговые обобщения и выводы.

Художественные произведения Соловьева относятся к массовой беллетристике. Журнал «Север» как тонкий иллюстрированный еженедельник тоже являлся массовым чтением. Но массовой аудиторией можно назвать и читателя народного, если учитывать количественный фактор издаваемой продукции. Таким образом, деятельность Соловьева сначала как писателя, а затем как редактора и издателя — это путь к расширению читательской аудитории. Он тонко чувствовал динамику читательских предпочтений, изменение читателя на рубеже веков, что обуславливало и изменение авторской стратегии.

Такая широта охвата различных социальных групп читателей была не свойственна другим литераторам XIX — начала XX в. Анализ литературной деятельности Соловьева как уникального явления культурной жизни России конца XIX — начала XX в., его чуткая ориентация на всё более широкие круги читателя-потребителя литературной продукции позволяют показать изменение социального наполнения понятия *читатель* на рубеже веков, прояснить круг читательских интересов в этот период, приоритеты читателя в выборе литературы для чтения. Литературная деятельность Соловьева, интересная и содержательная сама по себе, отразила в себе важнейшие процессы демократизации литературы, происходившие в России на рубеже XIX—XX вв.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Редакционно-издательская деятельность Вс. С. Соловьева: Монография. Тверь: Марина, 2007. 208 с. 13 п. л.
2. Беллетристика Вс. С. Соловьева: Монография. Тверь: ТвГУ, 2009. 132 с. 8,5 п. л.
3. Журнал «Север» под руководством Вс. С. Соловьева // Новое литературное обозрение. 2007. № 87 (№ 5). С. 479—486. 1 п. л.
4. Роспись содержания журнала «Север» (1888—1891) [1888—1889] // Новое литературное обозрение. 2007. № 87 (№ 5). С. 487—507. 1,3 п. л.

5. Роспись содержания журнала «Север» (1888—1891) [1890—1891] // Новое литературное обозрение. 2007. № 88 (№ 6.). С. 438—453. 1 п. л.
6. [Рец.]: Свешникова Е. П. О детях и взрослых: Статьи. Рассказы. Библиография / Науч. ред. Е. Н. Строганова <...> Тверь: Лилия Принт, 2007. 268 с. // Новое литературное обозрение. 2007. № 90 (№ 2). С. 397—398. 0,5 п. л.
7. Творчество Л. Н. Толстого в восприятии Вс. С. Соловьева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. № 4. 2009. С. 173—180. 0,7 п. л.
8. Проблемы народного чтения в трактовке Вс. С. Соловьева // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 35. № 30 (168). 2009. С. 167—172. 0,5 п. л.
9. Письма Вс. С. Соловьева С. Н. Шубинскому (публикация) // Русская литература. 2009. № 3. С. 128—137. 1 п. л.
10. Соловьев Вл. С., Соловьев Вс. С. // Эстетические отношения искусства и действительности. Словарь-справочник. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 122—124, 125—128.
11. Символика имени в исторической хронике Вс. Соловьева «Царь-девица» // Историко-литературный сборник. Вып. 2. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 131—143.
12. Французская революция в изображении Вс. Соловьева // Историко-литературный сборник. Вып. 3. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 56—75.
13. Проблемы экологии в «Хронике четырех поколений» Вс. Соловьева // Дары природы и плоды цивилизации: Экологический альманах. Тверь: Золотая буква, 2003. С. 63—70.
14. Проблемы воспитания в «Хронике четырех поколений Вс. С. Соловьева» // Детская литература и воспитание: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Детская литература и воспитание». Тверь: ТвГУ, 2004. С. 150—155.
15. Преддекабристская эпоха в изображении Л. Н. Толстого и Вс. С. Соловьева // Вестник ТвГУ / Серия «Филология». Вып. 2. Тверь: ТвГУ, 2005. С. 20—24.
16. Литературно-эстетические взгляды Вс. Соловьева и проблема читателя // О литературе, писателях и читателях: Сборник научных трудов памяти Г. Н. Ищука. Вып. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 81—85.
17. История России в публицистике А. И. Герцена 1853—1868 годов // Герценовские чтения: Сборник научных трудов. Тверь: Альфа-Пресс, 2006. С. 23—31.

18. Масоны и декабристы в «Войне и мире» Л. Н. Толстого и «Старом доме» Вс. С. Соловьева // Историко-литературный сборник. Вып. 4. Тверь: ТвГУ, 2006. С. 129—133.
19. Судьбы героев в «Войне и мире» Л. Н. Толстого и «Старом доме» Вс. С. Соловьева // Яснополянский сборник-2006: Статьи, материалы, публикации. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 2006. С. 198—203.
20. Проблема воспитания в журнале «Север» (1888—1891) // Детская литература и воспитание: Сборник трудов международной научной конференции «Детская литература и воспитание». Тверь: ТвГУ, 2006. С. 179—183.
21. Редакционно-издательская деятельность Вс. С. Соловьева // Междисциплинарные связи при изучении литературы: Сборник научных трудов. Саратов: Научная книга, 2006. С. 136—140.
22. Вс. С. Соловьев о Толстом // Друзья и гости Ясной Поляны: Материалы научной конференции, посвященной 160-летию С. А. Толстой. Тула: Изд. дом «Ясная поляна», 2006. С. 109—123.
23. Христианские традиции в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица» // История литературы как филологическая проблема. Сборник научных статей. СПб.: САГА, Наука, 2006. С. 143—147.
24. К биографии И. И. Лажечникова: из материалов Тверской ученой архивной комиссии // Лажечников и Тверской край. Вып. 2. Тверь: Марина, 2006. С. 29—38.
25. Редакционно-издательская деятельность Вс. С. Соловьева // Журнальная деятельность писателей в литературном процессе XVIII—XX веков: забытое и второстепенное. VI Майминские чтения. Псков, 2007. С. 180—185.
26. Всеволод Соловьев и авторы журнала «Север» (1888—1891) // Литература и человек (Писатели, читатели, филологи): Сб. статей. Тверь: Марина, 2007. С. 39—46.
27. Русская литературная критика XIX в.: Учебное пособие: в 3 ч. Тверь: ТвГУ, 2007.
28. Воспоминания А. Е. Лабзиной в «Хронике четырех поколений» Вс. Соловьева // О женщине, женщинах и прочем. Сборник статей. Тверь: ТвГУ, Марина, 2007. С. 98—106.
29. Мاسоны и декабристы в истории России и в литературе // Образ России в историко-литературном пространстве XIX—XXI вв.: Материалы международной научной конференции в 2 ч. Ч. 1. Курск: КГУ, 2007. С. 171—178.

30. Правители XVIII века в исторических романах Вс. С. Соловьева // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13. Самара: НТЦ, 2007. С. 382—390.
31. Художественный отдел журнала «Север» (1888—1891) // Вестник ТвГУ / Серия «Филология». Вып. 9. Тверь: ТвГУ, 2007. С. 27—34.
32. Творчество Вс. С. Соловьева как явление массовой литературы // Эйхенбаумовские чтения—6: материалы юбилейной научной конференции. Вып. 6. Воронеж: ВГПУ, 2007. С. 120—124.
33. Образ России на страницах журнала «Север» (1888—1891) // Образ России в литературе XIX—XX вв.: Материалы международной научной конференции. Курск: КГУ, 2008. С. 35—41.
34. Страсть, любовь и семья в романах И. С. Тургенева и Вс. С. Соловьева // «Мысль семейная» в русской литературе: Сборник статей и материалов. Тверь: Марина, 2008. С. 67—74.
35. Соловьев С. М. // Лев Толстой и его современники: Энциклопедия. М.: Парад, 2008. С. 360.
36. История изучения читателя: pro et contra. Вместо предисловия (в соавторстве с М. В. Строгановым) // Встречи в библиотеке: авторы и читатели. Сб. статей. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 7—12.
37. Читатель во второй половине XIX—начале XX века (социологический обзор) // Там же. С. 117—139.
38. Соловьев С. М. // Л. Н. Толстой: Энциклопедия. М.: Просвещение, 2009. С. 567.
39. Щедринские традиции в романе Вс. С. Соловьева «Сергей Горбатов» // Щедринский сборник. Вып. 3. Тверь: СФК-офис, 2009. С. 68—75.

Технический редактор А.В. Жильцов
Подписано в печать 29.10.2009. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 2,25. Тираж 100 экз. Заказ № 463.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

12-